

В. В. Кучма

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ДОСТОВЕРНОСТИ СВЕДЕНИЙ «ТАКТИКИ ЛЬВА»

Военный трактат конца IX — начала X вв., известный под наименованием «Тактика Льва», является, по оценке А. Дэна¹, наиболее распространенным произведением из всех памятников византийской военной литературы. Сведения, содержащиеся в трактате, чрезвычайно широки и разнообразны. Они касаются самых различных сторон не только военной, но и социально-экономической и политической истории Византии в период, не столь уж богатый полноценными письменными памятниками. Поэтому интерес в научной литературе к «Тактике Льва» вполне естествен².

Следует, однако, отметить, что среди исследователей продолжает превалировать скептическое, настороженное отношение к этому трактату. Общеизвестно, что основным источником при работе Льва VI над своим сочинением явился так называемый «Стратегикон Маврикия» — трактат, который в период царствования Льва уже насчитывал трехсотлетнюю историю³. Другие (кстати, весьма немногочисленные) письменные источники Льва определены Р. Вари и названы в его издании «Тактики»⁴, где параллельно с текстом трактата публикуются и его источники. Лишь для очень немногих частей «Тактики» письменные источники определить трудно; вполне возможно, что главы V и XIX, а также некоторые пассажи главы III и IV написаны Львом самостоятельно.

Поскольку отмеченные отрывки составляют лишь небольшую часть сочинения Льва, среди большинства исследователей сложилось представление о крайней несамостоятельности этого автора, о слепой зависимости его от текста своих предшественников. Это мнение являлось абсолютно господствующим вплоть до конца XIX в.⁵ Основоположником иной точки зрения явился Р. Вари. Не оспаривая факт зависимости «Тактики» от «Стратегикона», он старался доказать, что Лев не просто копировал трактат своего предшественника, но подвергал его переработке, приспособляя к требованиям современной ему действительности⁶.

Позиция Р. Вари оказала существенное воздействие на последующую литературу. По крайней мере, отныне ни один автор не

мог обойти вопрос об общей оценке сочинения Льва с точки зрения ценности его как исторического источника. И если к настоящему времени проблему авторства и датировки «Тактики» можно считать окончательно решенной (трактат принадлежит перу императора Льва VI и написан в период его царствования), то вопрос о степени достоверности, а, следовательно, и ценности содержащихся в этом трактате сведений остается остро дискуссионным.

Отнюдь не претендуя на окончательное решение вопроса (ему должно предшествовать тщательное изучение как самого трактата Льва и его источников, так и практики военного дела в периоды их создания), мы намерены обратить внимание на некоторые обстоятельства, учет которых является необходимым.

Для начала следует отметить одну закономерность: всякую самостоятельность и ценность сведений «Тактики» наиболее решительно отрицают исследователи-филологи. Самым ярким представителем «филологической школы» являлся А. Дэн, внесший значительный вклад в изучение византийской военной традиции⁷. А. Дэн у себя свойствен подход к военным трактатам исключительно лишь как к литературным произведениям. Для него Лев VI — всего лишь *compilateur intrepide*⁸. А. Дэн полностью отказывает сочинению Льва в какой бы то ни было самостоятельности⁹.

Наоборот, отмеченная выше точка зрения Р. Вари распространена преимущественно среди исследователей-историков, и наиболее энергичных своих сторонников она нашла в Венгрии.

Интересные соображения о значимости сведений Льва для практики современного ему военного дела высказывал в свое время Е. Дарко¹⁰, полное и всестороннее обоснование теории Р. Вари нашла в трудах Д. Моравчика¹¹.

Сторонниками «филологической школы» был выработан особый критерий в решении вопроса об исторической ценности военного трактата. Если филологический анализ его текста вскрывал компилятивный характер сочинения, то этого было вполне достаточно для признания его сведений лишенными всякой достоверности. При таком подходе к решению вопроса лишь совершенно самостоятельный трактат может быть признан в качестве достоверного и ценного исторического источника.

Против такого критерия можно выдвинуть по крайней мере два основных возражения.

Отличительной особенностью военной науки докапиталистических формаций являлось то, что в ней большую роль, чем в других отраслях знания, играла традиция; очень характерна для нее и тесная преемственность военно-научных знаний. Здесь были практически исключены резкие революционные скачки. Медленный и застойный характер развития социально-экономических отношений в период средневековья обусловил консерватизм военно-теоретической мысли. Разумеется, все самые последние достижения науки и техники в первую очередь находили свое применение именно в военном деле. Однако в условиях относительного упадка общего

уровня культуры в период раннего средневековья идеалы военных теоретиков и инженеров не превосходили достижений, военно-теоретической мысли античности и только приближались к идеалам Витрувия или Вегеция.

Таким образом, обращение раннесредневекового писателя к опыту своих предшественников было не только вполне допустимым, но и совершенно необходимым. И потребовалось весьма длительное время, пока военная наука достигла, наконец, античного уровня, а затем превзошла его. Но за это время, когда апелляция к прошлому еще имела рациональный смысл, она уже успела приобрести силу традиции: целесообразная норма переросла в непреложный канон. Ссылка на «древних» превратилась в неременный атрибут всякого военного трактата. Военный теоретик прилагал все силы прежде всего к тому, чтобы гальванизировать и приспособить к жизни максимум элементов боевого опыта своих предшественников. И только в том случае, когда сведения «древних» совершенно утрачивали всякий практический смысл, автор военного трактата шел на обобщение нового боевого опыта. Поэтому оригинальные, вполне самостоятельные сочинения по военному делу в период византийского средневековья чрезвычайно редки, буквально единичны. Как правило, они порождены какими-нибудь резкими, крутыми поворотами в развитии военной организации, которые, в свою очередь, вызваны серьезными изменениями в социально-экономическом развитии империи.

Основное же количество памятников византийской военной мысли, являясь отражением медленной эволюции военной системы, образует единую и непрерывную цепь, в которой каждое из предыдущих звеньев питает каждое из последующих.

Второе обстоятельство, тесно связанное с первым, определяется особенностями писательского метода раннесредневековых (и византийских в том числе) авторов. Чрезвычайно почтительное, почти благоговейное отношение к письменным источникам, характерное для византийцев¹², было причиной того, что способ изложения своих мыслей византийский автор искал в письменных источниках. Цитирование без ссылок, перенесение отдельных мест источника в свое сочинение, заимствование общего плана и т. д.— все это не считалось предосудительным с точки зрения византийской литературной этики¹³.

Из всего сказанного следует вывод, что принцип самостоятельности не может служить исчерпывающим критерием в оценке военного трактата. Если руководствоваться исключительно им, придется отказать во всякой исторической ценности большинству раннесредневековых византийских трактатов, так как они являются компилятивными.

Установление компилятивного характера трактата не должно быть равносильно его обвинительному приговору. Подлинный анализ должен не заканчиваться этим, а с этого только начинаться.

После выяснения характера сочинения анализ компилятивного трактата должен производиться при помощи приемов, весьма отличных от приемов анализа самостоятельного произведения. Следует четко разграничить требования, которые можно предъявлять к сочинениям первого и второго рода. Самостоятельное сочинение ценно именно оригинальностью своих сведений. Компилятивный труд тем ценнее, чем он точнее и скрупулезнее передает содержание своих источников.

Если речь идет о компиляции, составленной на основе недошедших до нас сочинений, тогда эта компиляция является единственным источником наших знаний об утраченных произведениях. Ясно, что в этом случае полнота наших представлений об утраченном оригинале находится в непосредственной зависимости от точности его воспроизведения в рассматриваемой компиляции.

Этот пример демонстрирует один из аспектов ценности компиляции как исторического источника.

Однако ценность компиляции возрастает еще в большей степени, когда мы имеем в руках и компилятивное сочинение, и сам оригинал, положенный в его основу, причем оба произведения поддаются более или менее точной датировке. Такое счастливое сочетание встречается, к сожалению, очень редко, но все-таки встречается, и наш случай со «Стратегиконом» и «Тактикой» — пример именно такого редкостного сочетания.

В некоторых случаях можно утверждать, что датированное компилятивное сочинение, оригиналы которого нам известны, является для исследователя даже более важным, чем так же определенно датированное оригинальное военное сочинение. Во втором случае (оригинальное военное сочинение) исследователь будет иметь добротное, фотографически точное отображение состояния военного дела в конкретных исторических условиях. Однако эта картина будет статичной. В первом же случае положение иное. Чем точнее автор компиляции будет следовать своему оригиналу, тем ярче и отчетливее выявятся неизбежные отклонения от его источника. (Если таких отклонений нет, то мы имеем дело не с двумя сочинениями, а только с одним: стилистические правки и глоссы еще недостаточны для того, чтобы вести речь о двух различных сочинениях). Выявившиеся расхождения дадут материал для раскрытия динамики развития военной науки в период, разделяющий эти сочинения. Тем самым будут созданы условия для более глубокого и всестороннего анализа как состояния военной организации в конкретный период, так и истоков ее возникновения и тенденций дальнейшего развития.

Выше мы подчеркнули, что компиляция может оказаться ценнее оригинального произведения лишь в некоторых конкретных случаях. Такое положение возможно лишь тогда, когда и сведения оригинала, и сведения компиляции отражают истинное состояние военного дела в рассматриваемые исторические периоды, т. е. соответствуют требованиям боевой практики своего времени.

Здесь мы подошли к необходимости сформулировать нашу точку зрения относительно критерия ценности военного трактата как исторического источника.

По нашему мнению, критерием достоверности сведений военного трактата является соответствие его требований военной практике. Принцип самостоятельности, выдвигавшийся на первый план представителями «филологической школы», не может иметь решающего значения. Военный трактат может быть весьма несамостоятельным по форме, но если его положения соответствуют требованиям времени, он должен быть признан достоверным и ценным историческим источником. Неважно, чьими словами высказана в трактате та или иная мысль,— важно, чтобы содержание ее было современным и злободневным.

Итак, проблему ценности военного трактата нельзя решить в результате анализа только одного трактата. Мало того, для решения проблемы нужно выйти за пределы круга источников подобного рода. Следует привлечь самые разнообразные источники, свидетельствующие о практике военного дела в рассматриваемый период, причем не только письменные (нарративные, юридические и т. д.), но и вещественные (археологические данные).

Комплексное изучение этих разносторонних источников позволяет с исчерпывающей полнотой проанализировать каждый из них путем своеобразной «очной ставки» с остальными, составить более целостное представление о состоянии военного дела в рассматриваемый период. Такой комплексный анализ и взаимный контроль разнородных источников есть необходимое условие для решения вопроса о степени их достоверности и исторической ценности¹⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ A. Dain. Les stratégistes byzantins. Travaux et mémoires, 2 (1967), p. 355. Пользуемся изданием «Тактики» — PG, 107, 1863.

² О состоянии историографии см. в нашей статье «Тактика Льва» в исторической литературе (историографический обзор). ВВ, т. XXX, 1969.

³ Полное издание «Стратегикона» — Arriani Tactica et Mauricii artis militaris libri duodecim. Graece primus edidit, versione latina notisque illustrat Ioannes Schefferus, Upsaliae, 1664. Характеристику трактата, сведения об его изданиях см. в работе: A. Dain. Les stratégistes byzantins. pp. 344 sq. Из новейших исследований о тактике см.: H. Mihaescu. Prolégomènes à une édition critique des *Γαξτιχα* — *στρατηγικα* de Maurice — Urbicius. «Revue des études sud — est européennes», T. V, fasc. 3, 1967, p.p. 401—417; A. Dain. Urbicius ou Mauricius? REB, 26, 1968, pp. 123—136.

⁴ Leonis imperatoris tactica. Ad librorum mss. fidem edidit, recensione Constantiniana auxit, fontes adiecit, praefatus est R. Vári. Sylloge Tacticorum Graecorum. T. I; t. II, fasc. I. Budapestini, 1917—1922.

⁵ См. об этом: Gy. Moravcsik. La Tactique de Léon le Sage comme source historique hongroise. Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae, I, 2. Budapest, 1952.

⁶ Впервые эта точка зрения была высказана P. Vári в работе Böls Leo császáznak «A hadi taktikáról» szóló munkája. Budapest, 1898. Нам недоступна; пользуемся рецензией W. Pesz.— BZ, 8, 1899, SS. 508—510.

⁷ См. прим. 2, стр. 159—160; там же — библиография его трудов.

⁸ A. Dain. «L'extrait Tactique» tiré de Léon le Sage. Paris, 1942, pp. 9, 101.

⁹ Справедливости ради следует отметить, что в конце жизни А. Дэн проявлял бóльшую осторожность в решении этого вопроса и старался избегать столь острых формулировок (см.: A. Dain. Les stratégistes byzantins, pp. 354 sq.).

¹⁰ E. D a r k ó: Die Glaubwürdigkeit der Taktik des Leo Philosophus, Ungarische Rundschau, 5, 1916.

¹¹ См. прим. 2, стр. 160—161.

¹² Этой особенностью отличаются не только памятники военной литературы, но и других направлений; типичными примерами в этом плане являются труды Константина Багрянородного и Льва Дьякона.

¹³ См.: Gy. Moravcsik. La Tactique de Léon le Sage, p. 178 sq.

¹⁴ Попытка практической реализации сформулированных выше положений была сделана нами в статье «Оборонительные сооружения Херсонеса Таврического в свете установок «Тактики Льва». — АДСВ, вып. 3. Свердловск, 1965.